

РАХЕЛЬ ФАРНХАГЕН И КУЛЬТУРА ЕЕ ВРЕМЕНИ

© 2017 г. Д.Л. Чавчанидзе

Московский государственный университет

им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 12 июля 2017 г.

Дата публикации: 25 декабря 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-82-113

Аннотация: В статье рассматривается личность Рахели Фарнхаген — одной из самых ярких фигур культурной жизни Германии, хозяйки салона, в котором с конца XVIII до 30-х гг. XIX вв. собирались известнейшие деятели литературы и искусства, философы, представители дворянской и бюргерской интеллигенции. На фоне незаурядных современниц, в числе которых были также имевшие салон, Рахель выделялась глубоким пониманием специфики и перспектив эстетических течений того времени, не уступая в этом мужским умам. Ее контакты были и намного шире салонных — в переписке со многими интересными ей людьми, не только внутри, но и за пределами страны. Письма Рахели, собранные Фарнхагеном фон Энзе, как и ее оставшиеся дневники, позволяют заключить, что она, бесспорно, обладала литературным талантом. В обращении к миру Рахели, к ее окружению раскрывается картина переходных десятилетий европейской жизни, на протяжении которых происходил перелом в мировоззрении, опровержение социальных, философских и эстетических понятий просветителей романтическим поколением. Разнообразие лиц, вызывавших интерес Рахели, дополняет представление о неоднозначном общественном настроении, отражением которого было литературное творчество. Это настроение помогает объяснить не одну творческую индивидуальность, принадлежавшую к тому или иному эстетическому направлению или сочетавшую в себе черты одного и другого. Аспекты статьи намечают дальнейшую разработку их как отдельных вопросов или тем истории литературы, и немецкой, и европейской, в их общей и особой динамике.

Ключевые слова: салон, женщина, культура, классика, Гете, иенский романтизм, эпоха, письмо.

Информация об авторе: Джульетта Леоновна Чавчанидзе — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991 г. Москва, Россия.

E-mail: juchav@mail.ru

RAHEL VAENHAGEN AND THE CULTURE OF HER TIME

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2017, J.L. Chavchanidze
*Moscow State Lomonosov University,
Moscow, Russia*
Received: July 12, 2017
Date of publication: December 25, 2017

Abstract: This essay examines the personality of Rahel Varnhagen, one of the brightest representatives of the German cultural milieu, owner of a literary salon that brought together prominent authors, artists, philosophers, nobles, and the crème of burgher society in the period between the end of the 18th Century and the 1830s. Rahel stood out among other female owners of literary salons, due to her deep knowledge of contemporary aesthetic trends, their specificity and perspectives, and in this respect, she was a perfect equal to male intellectuals of the time. Her contacts spread beyond the salon as she corresponded with a great number of people both within and outside the country. Rahel's letters, collected by Varnhagen von Ense, and her diaries reveal outstanding literary gifts. On the example of Rahel's world and her environment, this article examines the transient decades of European life that signaled the shift in the cultural sensibility as well as the debunking of the Enlightenment social, philosophic, and aesthetic concepts by the generations of Romantics. The diversity of personalities that evoked Rahel's interest shows the ambiguity of public opinions and tastes reflected in literature. The atmosphere of her salon helps us better understand individual literary figures that either represented certain aesthetic trends or combined the traits of different trends in their work.

Keywords: salon, woman, culture, classics, Goethe, Jena Romanticism, epoch, letter.

Information about the author: Julietta L. Chavchanidze, DSc in Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Leninskie gori 1/51, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: juchav@mail.ru

«Кто не знает имена Беттины и Рахели, которых глубокие натуры от всякого прикосновения к ним жизни издавали из себя электрические искры откровения духа?» [1, т. 2, с. 230].

К восторженной оценке, которую дал двум замечательным женщинам Германии В.Г. Белинский в 1842 г., напрашивается некоторый комментарий. Первая из них — младшая сестра основателя гейдельбергского кружка романтиков Клеменса Брентано, внучка Софи фон Ла Рош, популярной в XVIII в. писательницы сентиментального направления, ею воспитанная. Вторая — старшая дочь в еврейской купеческой семье, соблюдавшей традиционно-религиозные правила. Беттине фон Арним, автору ярких эссе, романтических и политических, отводятся специальные статьи во всех литературных справочниках, Рахель Фарнхаген обычно только упоминается в статьях о Фарнхагене фон Энзе, выдающемся критике и публицисте, — от нее остались лишь дневники и письма частного характера.

Но без ее имени не обходится ни один обстоятельный обзор культурной жизни Германии с конца XVIII до 30-х гг. XIX в., времени, которое в истории немецкой литературы принято называть эпохой Гете. Рахель Левин родилась в Берлине в 1771 г., когда вышло первое большое сочинение поэта — драма «Гец фон Берлихинген», а умерла через год после его смерти, в 1833 г. Духовную атмосферу этой эпохи определяли еще два человека — Александр Гумбольдт и Наполеон Бонапарт¹; оба в равной степени, хотя в совершенно разном отношении расширили мировоззренческий кругозор

1 Родившиеся, по совпадению, в одном и том же 1769 г.

европейцев. На протяжении нескольких десятилетий единомышленники и оппоненты собирались вокруг Рахели.

Юность Рахели пришлось на период правления в Пруссии короля Фридриха II (Великого), просвещенного монарха в понимании XVIII столетия. Толерантность его внутренней политики распространялась и на состоятельную часть оседлого еврейского населения, которой был предоставлен статус “Schutzjuden” — покровительство, поощрение в экономической ассимиляции с формировавшейся прусской буржуазией. Принадлежавшие к этой категории стремились перенять нормы дворянского быта — по его образцу строили дома, покупали и реставрировали дворцы разорившихся аристократов; в семье приглашались учителя для обучения детей, в некоторых с детства начиналось знакомство с итальянской оперой. Образованные выходцы из еврейства становились людьми немецкой культуры.

В обозримой картине большого города стиралось социальное различие. О целостности уличной массы написала в своей книге «О Германии» посетившая страну Жермена де Сталь. Гофман в новелле «Кавалер Глюк» запечатлел смешение лиц из разных сословий на главной улице Берлина: «И вот уже по Унтер ден Линден, разодетые по-праздничному, к Тиргартену пестрой вереницей тянутся вперемежку щеголи, бюргеры всем семейством, с женами и детками, духовные особы, еврейки, референдарии, гулящие девицы, ученые, модистки, танцоры, военные и так далее» [5, т. 1, с. 31]. Берлин и Вена, хотя позднее, чем Париж и Лондон, превратились в культурные центры: увеличилось число школ, литературных изданий; в Берлине при Фридрихе II открылось Общество чтения. Знакомства в театрах, библиотеках, общественных парках — в берлинском Тиргартене, венском Пратере — не имели никаких ограничений, например, в парке для женщины было вполне допустимо вступать в разговор с незнакомым мужчиной, что считалось неприлично в кафе.

На рубеже веков культурной повседневностью сделались салоны в домах бюргеров, где по контрасту с аристократическими сословная разница вовсе не ощущалась. Там часто зарождались и «уличные» контакты; та же де Сталь заметила, что в парковых аллеях с удовольствием встречаются «только что попрощавшиеся в салоне» [24, s. 85]. Центром салонного общения всегда являлась женщина, и салон связывали, как и в дворянской среде², с ее именем.

2 То же было и в России: «Мой модный дом и вечера...» — говорит Татьяна в «Евгении Онегине» А.С. Пушкина.

Носившаяся тогда в воздухе идея всеобщего равенства, среди прочего, отрицала преимущество мужчин перед женщинами. Уже в раннем Просвещении наметилась тема «женской учености», а в годы революции во Франции (1789–1793) был оглашен специальный документ «Декларация прав женщины и гражданки». Критический взгляд на все средневековые правила в корне изменил у образованных мужчин и мнение о женщине; в ней, независимо от внешней привлекательности, стали ценить достойную собеседницу. Соответственно обновлялось и женское самосознание — во многом по образцу мадам де Сталь, которая приобрела известность не только своими сочинениями, но и приверженностью принципам свободы как в общественном устройстве, так и в личных отношениях. В ее салоне проходили обсуждение все самые смелые мысли и все нравственные нормы; «салонный» стиль царил и в ее швейцарском поместье Коппе, где она, высланная из Франции Наполеоном за недостаточное уважение к его власти Первого консула, оставалась и после его падения. Коппе не раз оказывалось местом длительного пребывания незаурядных гостей: Август Вильгельм Шлегель, один из теоретиков раннего немецкого романтизма, иенского, провел там несколько лет в качестве учителя детей хозяйки, французский дворянин Адельберт Шамиссо, позднее занявший видное место в немецкой литературе, находил спасение от трудной эмигрантской участи. И для всех Жермена де Сталь оставалась блистательной — не как подруга писателя Бенжамена Констана или политика Талейрана, а как личность, сама по себе неординарная.

В Германии славу незаурядной женщины чаще всего поддерживало имя ее супруга. В той же Беттине Brentano разглядели сочетание «большого ума и такого же сумасбродства» [15, s. 452], как сказал В. Гумбольдт, когда она стала женой Ахима фон Арнима, другого основоположника гейдельбергского романтизма. Доротея Шлегель, дочь философа Мозеса Мендельсона, дружившего с Лессингом, вызвала интерес не своим романом «Флорентин», а тем, что ушла от мужа-банкира к Фридриху Шлегелю и явилась прототипом героини его романа «Люцинда». Дочь геттингенского профессора, члена Французской Академии Каролина Бемер, которая, овдовев, сблизилась с публицистом Георгом Форстером, активным сторонником французских якобинцев, вскоре затем предстала «музой» романтиков: вступила в брак с А.В. Шлегелем, а через несколько лет рассталась с ним ради Шеллинга, принадлежавшего к тому же иенскому кружку.

Но эти женщины вовсе не руководствовались в своем поведении принципом эмансипации. По письмам Каролины можно заключить, что ей было важно не сравняться с мужчиной, а *своей* природой восполнить ту часть *его* существования, какой ему недоставало. Женская самостоятельность вызывала у нее неприязнь — был ли то писательский успех Софи Ла Рош или восхитившая всех докторская степень двадцатилетней девушки, о которой Каролина отозвалась жестко и безапелляционно: «<...> при таком бесспорно большом таланте и уме ей нечего ждать не только счастья, но даже хоть какого-то внимания. Бабу ценят, когда она баба» [17, s. 377–378]³. Внутреннюю свободу женщины она считала «не женственным» отказом от семьи, от преданности детям. В письме вдове драматурга Ф.В. Готтера Каролина с неодобрением сообщала о своем впечатлении от знакомства с Жерменой де Сталь: «Она — феномен жизненной силы, себялюбия и неслыханной духовной активности» [17, s. 335], — подобное явно не было присуще немецким спутницам выдающихся мужчин. По сути, о каждой из них можно повторить сказанное одной из исследовательниц о Дороте Шлегель: «<...> познакомилась не с миром, а со Шлегелем, принадлежала не к романтизму — принадлежала Шлегелю, приняла не католицизм, а веру Шлегеля <...> впервые встретила с жизнью, когда встретила со Шлегелем <...>» [13, s. 46–47].

На таком фоне в культурных кругах Германии ярко очертились две женские фигуры — Генриетта Герц и Рахель Левин, тогда еще не Фарнхаген. Впрочем, Генриетта отчасти все-таки была обязана инициативе мужа: Маркус Герц, врач-экспериментатор, убежденный кантианец, постоянно принимал у себя коллег-медиков, специалистов в области естественных наук, особенно охотно начинающих, а жене, которая была моложе на семнадцать лет, активной участнице Общества чтения, посоветовал собирать на ее половине молодых литераторов, теологов, юристов. В окружении Генриетты были и люди старшего поколения, воспитанные на понятиях просветителей. Различные сословия — аристократию, низшее дворянство, образованных бюргеров — представляли в большинстве мужчины, немногочисленные женщины происходили из богатых еврейских семей. Появлялись и известные иностранцы — та же мадам де Сталь, графиня де Жанлис, автор популярных

3 Нем. *Frauenzimmer*.

тогда во всей Европе сентиментальных романов, крупный политический деятель Мирабо. Частыми посетителями были Шиллер и оригинальный среди современников писатель Жан Поль, философ И.Г. Фихте, братья Гумбольдт и братья Шлегель (Фридрих именно там познакомился с Доротеей). Угадав незаурядность в скромном проповеднике из Шарите, клиники Берлинского университета, Генриетта предоставляла ему готовиться к проповеди в ее доме; вскоре он, Ф.Д. Шлейермахер, стал философом, одним из идеологов раннего немецкого романтизма. Единственное посещение этого дома осталось ярким воспоминанием скульптора Шадова. Так что Рахель, вступая в жизнь, имела перед собой пример духовного сообщества, главой которого была женщина, притом тоже еврейка, что наглядно опровергало и женскую, и национальную неполноценность.

В родительском доме Рахели область культуры признавалась лишь как бытовой факт; среди тех, кому отец давал деньги в кредит, бывали художники и артисты. К нему обращались за помощью драматург Иффланд, директор берлинского Национального театра, молодой публицист Гентц; впоследствии оба, особенно Гентц, уже военный советник при австрийском канцлере Меттернихе, стали постоянными гостями Рахели. Культурные ценности для семьи не существовали, и когда после смерти отца старшая дочь взяла на себя заботу о младших, сестре и двух братьях, то сблизилась только с одним, с Людвигом. Он, став взрослым, предоставил вести отцовские дела брату, а сам обратился к изучению философии и установил непосредственный контакт с Фихте, хотя забросил учебу в двух университетах: его увлекали путешествия по немецким землям. В итоге он сделал своим занятием литературу, писал пьесы в жанре бюргерской драмы, введенном в свое время Лессингом, иногда воспроизводя в них комические приметы немецкой реальности. В 1808 г., во время наполеоновской оккупации, Людвиг, как бы в знак своей принадлежности к немецкому народу, сменил еврейскую фамилию Левин на *Роберт*, под которой и выступал в печати. То же сделала через два года после него Рахель; еще прежде она крестилась и получила имя Антония Фредерика.

Первый свой салон Рахель открыла сразу после смерти отца, в конце 1789 — начале 1790 гг., на «чердачке», как она называла положенные ей три комнаты в мансарде занимаемого семьей берлинского дома. Только что прошумевший по всей Европе штурм Бастилии побуждал к интенсивному

обмену мнениями, но Рахели просто хотелось иметь свой круг. Тогда же сложились ее дружеские отношения с Давидом Фейтом, который по окончании Геттингенского университета, неформального центра всех новейших веяний, от идеологических до естественнонаучных⁴, стал доктором медицины, профессионально освоил теории Канта и Фихте, одинаково глубоко вчитывался в сочинения Гомера и Гете. Он из любопытства посетил послереволюционный Париж, постоянно лечил бедняков и умер, будучи врачом в антинаполеоновском ополчении 1813 г. От Фейта Рахель получила первые необходимые знания и, что еще важнее, переняла потребность в знаниях; как считают биографы, он был первым и единственным ее учителем [24, s. 60].

Генриетта Герц, встречавшая всех доброжелательно, не опасаясь соперничества в популярности, сразу познакомила Рахель со своими завсегдатаями. Обе женщины употребляли слово *салон* редко, предпочитая иначе определять характер своих собраний: *круг, кружок, открытый дом*. Ни общественное положение, ни вероисповедание гостя не имело для них значения, но, как отмечают исследователи немецкой салонной культуры, в их домах никогда не бывало происходивших из низшего слоя бюргерства — необразованных.

Быстро найдя свое место в общественной жизни, Рахель долго оставалась не очень благополучной в личной, женской судьбе. За довольно короткое время она разорвала помолвку с высокопоставленным графом Финкенштейном, другом Людвига Тика, одного из иенских романтиков, затем с членом испанского посольства д'Урквийо, что трудно комментировать, не имея достаточных сведений. По-видимому, ни один из этих мужчин не был готов принять ее индивидуальность, она же не сочла нужным соответствовать их понятиям о женских добродетелях.

Избирательность в любви тогда уже не выглядела шокирующей. Почти привычным явлением стал развод, чаще по инициативе женщины — тех же Доротеи Фейт и Каролины Шлегель, оперной звезды Фридерики Унцельман, кстати тоже имевшей свой «чайный кружок». Состоявшие в браке, и мужчины, и женщины, иногда не скрывали любовные связи на стороне, невзирая на свой социальный статус. Племянник покойного Фридриха II, принц Луи Фердинанд, который верхом на коне сопровождал карету мадам

4 Геттинген приобрел особое признание образованных европейцев: у Пушкина Ленский возвращается в Россию «с душою, прямо геттингенской».

де Сталь по всем окрестностям Берлина, постоянно посещал салон Рахели с возлюбленной, женой военного советника, и имел двоих детей в морганатическом браке с еще одной женщиной. И хотя у высокородных лиц часто бывали любовницы, у Луи Фердинанда такое нарушение моральных установок явно дополняло фигуру поклонника вольнодумства.

Рахель вовсе не намеревалась окружать себя только знаменитыми, она приветствовала в своем доме каждого, всегда готовая выслушать собеседника и вникнуть в смысл его речи. Тем не менее среди первых посетительей ее салона были писатель Карл Филипп Мориц, знаток древности, и профессор Академии искусств композитор Карл Фридрих Цельтер, старый друг Гете, оба масоны; с конца 90-х гг. постоянными гостями сделались Фридрих Шлегель с Доротеей, братья Гумбольдт, Шлейермахер, Фихте, Тик, естествоиспытатель-путешественник Штеффенс. Разговоры на таких встречах были характерными для немцев, всегда предпочитавших темам социально-конкретным философски-отвлеченные — «плоды наук, добро и зло, и предрассудки вековые, и гроба тайны роковые», говоря словами Пушкина.

Вероятно, поэтому салоны немецких женщин не очень нравились мадам де Сталь: они не повторяли стиль ее салона, где серьезные беседы сочетались с живой реакцией на происходившее в беспокойной Франции, игравшей тогда важнейшую роль в жизни Европы. На непосредственную и эмоциональную француженку Рахель, которая могла в гостях подолгу молча сидеть в углу, не произвела впечатления. Писательница пришла в недоумение, когда о некоей особе, представленной ей когда-то в Париже, с восхищением заговорили принц Луи Фердинанд и шведский посол Бринкман, сказавший, что она, Жермена де Сталь, и Рахель с их гением могли бы украсить древние Афины:

— Ах, так Вы сравниваете ее со мной? Это недурно. Она что-то написала?

— Нет. Я даже думаю, что она никогда этого не сделает. Но я бы хотел, чтобы она раздала свой гений двадцати писательницам, у которых таковой отсутствует [22, s. 424].

Во время пребывания мадам де Сталь в Берлине в 1804 г. Бринкман под предлогом обсуждения последнего ее романа «Дельфина» специально

устроил встречу двух женщин. В коротком разговоре между ними (переданном спустя годы тем же Бринкманом) гостья не преминула высказать Рахели свою антипатию в форме изысканной любезности: «Если бы я здесь задержалась, то, думаю... я бы так Вас полюбила, и стала бы от этого такой счастливой, что Вам оставалось бы только завидовать моему счастью. Кто еще мог бы вызвать у Вас подобное чувство?» [22, s. 424–425]. В ее книге «О Германии» имя Рахели не упомянуто. Та в свою очередь не испытала удовольствия от общения со знаменитостью: при первом знакомстве нашла ее «весьма доброй и чересчур разговорчивой» [22, s. 424], а во второй раз записала в дневнике: «Ума в ней достаточно, но нет чуткой души, она никогда не умолкает, как будто только одна она все продумала...» [22, s. 425].

Осенью 1806 г., когда Наполеон занял Берлин, закрылись салоны и Генриетты, и Рахели, которая на время оккупации покинула город и побывала в разных местах. В Праге, затем по возвращении в Берлин уже во время отступления французов из России она взяла на себя заботу о раненых и в письмах друзьям настойчиво просила денег для помощи лазаретам, которые принимали и вчерашних врагов.

В 1803 г. Рахель впервые увидел Карл Август Фарнхаген, восемнадцатилетний студент-медик, не вызвавший у нее тогда особого внимания. Сын врача, он, зарабатывая учителем в доме банкира, постепенно знакомился с салонной литературной публикой. Их сближение началось со следующей встречи — в 1808 г. на лекции Фихте. Через три года они вместе провели лето в Теплице; находившийся там Бетховен, уже полуглухой, исполнил для Рахели кое-что из своих сочинений. Вскоре Фарнхаген, тяжело переживая наполеоновское нашествие, вступил в австрийскую армию и оставался в ней, а потом в русской армии до конца освободительных войн. К тому моменту он уже был членом организованного в условиях оккупации «Христианско-немецкого застольного общества» (“Christlich-teutsche Tischgesellschaft”).

Идейная основа этого общества была неоднозначной. Туда не принимали евреев и женщин, — как бы в полемику с вражеской Францией, где права тех и других защищались начиная с революции. Это произвольно выливалось в антисемитизм, в отрицание феминизма, хотя к обществу принадлежали многие представители немецкой интеллигенции и из дворянства, и из высшего слоя бюргерства. Среди них были прежние посетители «еврейских» «женских» салонов Генриетты и Рахели, например, Фихте и

Шлейермахер, которых более всего могли привлекать обсуждавшиеся на собраниях планы реформ в Пруссии. Именно тогда у Фарнхагена появилось внимание к политическому устройству страны, в дальнейшем никогда не ослабевавшее. После победы над Наполеоном он поступил на прусскую государственную службу, в качестве секретаря канцлера Меттерниха побывал на Венском, затем на Парижском конгрессе; Рахель, став его женой, иногда его сопровождала. Занимая и далее довольно высокие должности, Фарнхаген *фон Энзе*, уже получивший дворянство, откровенно не сочувствовал борьбе Священного союза с либерализмом, чем вызвал неудовольствие Меттерниха (впрочем, лично очень его уважавшего). В 1819 г. он вышел в отставку и супруги окончательно поселились в Берлине, где Рахель вскоре заново открыла свой салон.

С усилением немецкой буржуазии и назревавшей необходимостью общественных преобразований формировалась новая идеология. В такой обстановке недавние философские и эстетические критерии потребовали пересмотра, критики — или защиты от критики, которой они стали подвергаться. Рахель, вовсе не замышлявшая свои салоны как литературные, становилась свидетельницей столкновения различных течений, что ей приходилось не только осмысливать, но даже переживать.

В годы существования первого ее салона, в ситуации рубежа веков, когда не оправдались идеалы минувшего столетия, просветительского, немецкое культурное сознание более, чем когда-либо, ориентировалось на искусство. Эстетическая платформа была представлена двумя позициями — несравнимо авторитетных Гете и Шиллера, в тот период веймарских классиков, и молодых иенских романтиков. Веймарцы предназначали искусству с его идеальной природой главную роль в разрешении извечных человеческих проблем, среди них и социальных. Один из шиллеровских тезисов гласил: «Путь к свободе ведет только через красоту» [21, s. 322], — чем прямо отвергалась такая форма общественных перемен, как насилие. Романтики же исходили из убеждения, что *идеальное* в его *реальном*, конкретном осуществлении утрачивает свой характер (о том заставляли думать все после-революционные потрясения), и исключали для искусства всякую утилитарную функцию.

С теорией раннего романтизма Рахель могла познакомиться по лекциям А.В. Шлегеля, которые посещала, скорее отдавая дань новому.

Ей всегда оставался близок классический принцип Гете: упорядоченность мысли и четко выстроенная форма — «правильность» произведения в создании художественной картины. Такой принцип опровергался романтическим положением о «тождестве субъекта и объекта» [9, s. 122], о подчиненности творчества личному, *произвольному*⁵ авторскому настроению. Прямую демонстрацию этого, «Люцинду» Шлегеля, Рахель встретила с полным неодобрением; оценив уникальность поэтической фантазии Тика, она осуждала «болезненность» его новелл. В одном из писем 1801 г. она утверждала, что *личное* мешает создать произведение так, «как это выполняет скульптор в мраморе» [19, s. 115], и с увлечением развивала мнение, близкое к суждениям классиков: в творческом процессе поэту необходимо «развенчать»⁶ для себя свой предмет, иначе он «не сможет стать поэтом или будет плохим поэтом» [19, s. 115].

Однако в том же письме обыгрывалось понятие, классицизму незнакомое, введенное романтизмом: *бессознательное* — важнейший пункт философии Шеллинга. Письмо начиналось словами: «Человек как человек⁷ сам по себе — произведение искусства, все его существо состоит в том, что в нем постоянно сменяются сознательное и бессознательное» [19, s. 115]. И хотя Рахель находила такого человека не у романтиков, а опять-таки у Гете, она невольно принимала *романтические* нормы воссоздания человеческого. Отклик ее воображения на прочитанное во многом определяла реальность романтических лет, о чем можно судить по ряду ее писем. В одном из них, содержащем оценку романа сентименталиста Ф.Г. Якоби «Вольдемар», рациональное требование четкости содержания и формы перемежается с чисто эмоциональными определениями персонажей, сравнениями с ними собственной природы, переходящими в самоанализ, напоминающий романтического героя, местами даже нервный, отчего самый стиль письма выглядит сбивчивым.

Тонкое и напряженное мировосприятие Рахели полностью улавливало ту противоречивость общественного мышления переходного исторического времени, которую зафиксировал Ф. Шлегель: «Французская революция, “Наукоучение” Фихте и “Мейстер” Гете — величайшие тенден-

5 Нем. *Willkür*.

6 В подлиннике выделено: *entheiligt*.

7 Выделено у Рахели.

ции эпохи» [11, т. 1, с. 300]. Широко известную его фразу обычно считают высшей похвалой каждому из трех названных явлений. Между тем в другом фрагменте того же 1798 г. Шлегель определил революцию «как почти универсальное землетрясение, небывалое наводнение в политическом мире <...> как ужасный гротеск <...> в грандиозной трагикомедии человечества» [11, т. 1, с. 313]. Тогда же он опубликовал в программном журнале иенцев «Атенеум» статью «О “Мейстере” Гете», где оценил *только художественную* сторону романа, пообещав читателям продолжение, которого, однако, не последовало. По-видимому, Шлегель предполагал *критический* анализ содержания, от чего потом решил воздержаться. Его высказывание о трех тенденциях было не славословием⁸, а суммированием важнейших показателей современности, неким кодом для проникновения в ее сложную суть. Рахель, которая читала все, что выходило из-под пера Гете, и внимательно наблюдала за деятельностью Фихте, объединила их, убежденного классика и основоположника мировоззрения романтизма, одним и тем же определением: «глаз Германии» [22, s. 279].

В сочинениях Гете Рахель всегда находила то, что ощущала сама, реагировала на них непосредственно и одновременно продуманно. Уловивший это сразу Фарнхаген в 1812 г. отправил в литературную газету «Утренний листок» (“Der Morgenblatt”) высказывания о поэте, которыми они с Рахелью обменивались в письмах. По желанию издателя рукопись была послана Гете, чтобы получить его согласие на публикацию. Имена авторов не были проставлены: принадлежавшее Рахели Фарнхаген подписал буквой Г., а ему самому — буквой Э. Гете, не зная, что корреспондентами были обрученные, нашел их «поистине примечательной парой, поскольку они в чем-то едины, а в чем-то расходятся» [22, s. 311], и дал характеристику каждому. В Г. он увидел натуру «удивительную, восприимчивую ко всему, сострадательную, мягкую», в Э. — «разборчивую, ищущую, способную к аналитическим оценкам» [22, s. 311] и предположил воздействие любящей души Г. на Э. Для Рахели стало огромной радостью, что поэт ее *почувствовал*. Написать ему она не осмелилась, а через год снова испытала радость, узнав из его веймарского окружения, что в их с Фарнхагеном переписке Гете находит то понимание его произведений, какого ему часто не хватает.

8 При том, что гений Гете романтики признавали безоговорочно, что же касается философии Фихте, то она лежала в основе их сочинений.

О «Годах учения Вильгельма Мейстера» Рахель отозвалась с восхищением: «<...> Гете одним волшебным ударом оттеснил всю прозу нашей отвратительной, ничтожной жизни» [19, s. 180]. Вряд ли таков был замысел писателя, который размышлял о *преобразовании* жизненной повседневности и был далек от отвращения к ней даже в свой штюрмерский период. На впечатление Рахели явно накладывала отпечаток *собственная* неудовлетворенность миром вещественным, предметным, тоска по чему-то незримому и неопределенному, «томление» (*Sehnsucht*), как называли это романтики. Тем и объясняется ее близость к Фихте, с учением которого она впервые познакомилась еще по письмам Фейта.

О том, как высоко ценили философа в окружении Рахели, можно понять из отзыва о нем ее брата Людвига: «Богом данный учитель, несущий беспредельное знание, которое преобразует жизнь в свободу, свободу возводит в закон и осветляет закон свободы любовью» [23, s. 62]. Рахель в письмах обращалась к Фихте: “Lieber Herr und Meister!”, — он стал для нее и учителем, и другом, как будто сказавшим ей: «Ты не одинока!» [19, s. 60]. Его открытие «Я» (Ich), личности, внутренне отстоящей от остального мира, от «не-Я» (nicht-Ich), помогало ей в ее безусловно не простой душевной жизни. «Вчера <...> чужими, совершенно чужими и дикими показались мне липы⁹, улицы и дома, люди — страшными: ни одного лица, ни одного собственного облика, у каждого что ни на есть дурацкое, деревянное или блуждающее выражение...» [20, S. 87], высказалась она в одном из писем. Гентц, входивший в число близких ее друзей, как-то раз написал ей: «Вы сама и есть романтизм; Вы уже и были им тогда, когда такое слово только появилось» [22, s. 63].

В 1822 г., через десять лет после своего первого обзора «Годов учения Вильгельма Мейстера», Ф. Шлегель проанализировал роман более обстоятельно в рецензии на собрание сочинений Гете. Предполагая, что кто-то, возможно, захочет сравнить его с «Дон Кихотом» Сервантеса по нетривиальности героя, по масштабности общей картины, он заключил, что это будет «совершенно неудачным» [11, т. 2, с. 284]. В «Дон Кихоте» иенцы видели одно из явлений романтизма в далеком прошлом, лишенном рационалистических измерений. Тик взялся перевести его на немецкий, редактировал

9 На берлинской улице Унтер ден Линден.

перевод тот же Шлегель. «Мейстера» он назвал отделенным «большой пропастью» [11, т. 2, с. 285] от поэзии романтической: там поставлен вопрос о реальном назначении неординарной личности, тогда как образ Дон Кихота воплощает непреходящую дисгармонию такой личности с миром реальным. Параллель между Гете и Сервантесом для Шлегеля была неприемлема.

У Рахели, перечитавшей тогда гетевский роман, фигура Вильгельма ассоциировалась с Дон Кихотом безоговорочно: та же постоянная потребность самосовершенствования, та же привычка видеть людей лучшими, чем они есть на самом деле, и принимать их отношение, их непонимание его поступков как сострадание «дураку», непригодному к серьезным занятиям. Обоих, не сумевших найти себя в окружающем мире, Рахель противопоставила «деловому» герою Филдинга, всегда достигающему цели, — т. е. и в Вильгельме усмотрела суть природы романтической, хотя не употребила этого слова, — по суги фихтеанское расхождение «Я» с «не-Я».

Однако непосредственно читательская реакция всегда сопровождалась у Рахели раздумьями о произведении с «веймарской» точки зрения — о его значении для мира *действительного*. Задача Дон Кихота — восстановление рыцарского порядка, задача Вильгельма — совершенствование норм порядка всечеловеческого. Отождествление идеального с рыцарским было данью Сервантеса *его* веку; Гете, «подхватив перо Сервантеса» [19, s. 292], создал картину, соответствующую веку своему, — значит, оба показали роль идеального в реальности «с позиции истории» [19, s. 292]. Такой вывод сам по себе отрицал романтическое понятие о субъективном начале художественного творчества, о его независимости от места и времени.

И Гете, и Фихте одинаково повлияли на то, как пережила Рахель французскую оккупацию и последствия наполеоновского краха. В 1807 г. Фихте выступил с «Речами к немецкой нации», в которых морально подавленная страна услышала только патриотический призыв. Рахель привлекло в них другое: провозглашение особой миссии немцев, *культурной*, и пути к ее исполнению: каждый индивидуум должен и способен сам сделать себя культурным. Именно тогда она назвала Фихте «глаз Германии».

Сразу после смерти философа в 1814 г. в газетах стали появляться намеки на ее символичность: с освобождением от Наполеона патриотические идеи утратили актуальность. Рахель почти с отчаянием утверждала в письмах, что именно теперь, когда в Германии восстанавливается общественная

жизнь, настало время Фихте, который нес в себе то «немецкое», что «единственно позволено так именовать» [19, s. 280], ставила его рядом с Лессингом. Пожалуй, она была тогда одной из немногих, кто сознавал, или скорее чувствовал, что фихтеанское положение о человеческой индивидуальности сделалось аксиомой, которая вольно или невольно будет варьироваться во всем последующем развитии европейской философии.

Шедшее от Фихте понимание национально-немецкого не мешало Рахели ценить *общечеловеческое*, и здесь она руководствовалась понятиями Гете. Если философ лично принял участие в антинаполеоновском ополчении 1813 г., то поэт запретил своему сыну вступить в это ополчение; Наполеона он оценивал как фигуру грандиозную и мог связывать с ним перспективу перемен в феодальных немецких землях¹⁰. В стороне от массового энтузиазма Гете оставался и в годы Реставрации, когда по ходу буржуазного прогресса в стране все более назревал культ национального. Это отражали и первые выступления немецких студентов, выбравших своим центром имевший славу в истории страны Вартбург с его знаменитым замком, где в Средние века происходило легендарное состязание певцов, где когда-то укрывался от преследований Лютер. К моменту открытия второго салона Рахели интеллигенция, едва ли не более, чем прочие слои населения, была проникнута национальными идеями¹¹. Но Рахель уже в 1817 г. с тревогой писала Фарнхагену, что национальные чувства подрывают в человеке *гуманное* начало. Такое соизмерение, безусловно, было заимствовано от Гете, который всем своим поведением отклонял национальный норматив, охраняя гуманистический.

Если Фихте был отодвинут новыми веяниями на задний план довольно мягко, то слава Гете подверглась суровому опровержению. В пору первого салона Рахели все без исключения романтики, при их эстетической оппозиции поэту, никак не посягали на разрушение его прижизненного па-

10 И не без оснований: до нашествия Наполеона в раздробленной Германии было более трехсот государств, после его отступления стало значительно меньше, так как многие мелкие владетели, утратив с приходом французов свой престол, не стали его восстанавливать.

11 Долго еще вовсе не предполагавшими опасных последствий в будущем: в стихотворении, которое сочинил человек прогрессивных убеждений профессор Гофман фон Фаллерслебен, ставшее гимном революционного буржуазного движения, впервые появились слова: "Deutschland, Deutschland über alles!" Известно, какой смысл они приобрели почти через сто лет в фашистской Германии.

мятника. Объективно они отдавали должное примеру «того универсально-го образования, типом и совершеннейшей формой которого служило для них творчество Гете» [3, с. 26]. Но с конца второго десятилетия против него решительно выступили «люди противоположнейших воззрений» [4, т. 4, с. 347], притом и за пределами Германии. Среди них, к огорчению Рахели, были ей интересные, например, молодой маркиз литератор Астольф де Кюстин¹², постоянный ее корреспондент и поклонник. Убежденный католик, он считал «языческий» склад гетевского ума неподходящим для искания христианской истины; о том же говорили перешедшие в католичество Фридрих и Доротея Шлегели. Участники возникшего литературного движения «Молодая Германия» с их демократическими устремлениями осуждали Гете за многолетнее положение придворного; революционно настроенный Людвиг Берне, с которым тоже общалась Рахель, в своих «Письмах из Парижа» настаивал, что невозможно признавать великим поэтом мелочного филистера. В. Менцель в книге «Немецкая литература» (1828) подверг критике даже поэтическое мастерство Гете, объявив гораздо более ярким Шиллера, обращавшегося к социальным проблемам. Сельский пастор Пусткухен¹³ после анонса «Годов странствий Вильгельма Мейстера» в 1827 г. успел выпустить до его выхода в свет собственную книжку под тем же названием, где пытался доказать, что в первом романе о Мейстере, в «Годах учения», автор не сумел показать натуру нравственно благородную.

Однако во втором салоне Рахели продолжалась жизнь *великого* Гете: там с ним по-прежнему связывали искусство — мир идеала, красоты и гармонии. Тем создавалось обманчивое чувство изоляции в условиях нового, уже буржуазного Берлина, видимость «возрождения города как аристократически окрашенного жизненного пространства» [23, с. 161], свободного от меркантильного духа. Иллюзорность этого опровергала и вся повседневность эпохи Реставрации, и возникавшее в ней новое мировоззрение. С середины второго десятилетия все шире распространялся объективный идеализм Гегеля; философ был связан с Фарнхагеном, появлялся у Рахели, и там были знакомы с его учением. Но ей ничто не мешало руководствоваться

12 Известный описаниями своих путешествий по разным странам Европы; среди таковых были четыре тома под названием «Россия».

13 В русском переводе — *кислое тесто*. Гейне в «Романтической школе» обыграл эту фамилию: «кислое тесто, эстетически раздувшееся» [4, т. 4, с. 348].

критериями, воспринятыми от Гете. Судя по письмам 1830 г., в сочинении Сен-Симона «Новое христианство», с которым ознакомил ее Фарнхаген, она увидела вариант гетевского «язычества» — некий план *земного* благополучия вопреки традиционно-христианскому понятию о потустороннем царстве добра.

При том, что с нападками на поэта у Рахели лишь усиливался его культ, она понимала всю важность проблематики, которой он не касался. К недостаткам социального устройства она всегда была чувствительна уже в силу своего еврейского происхождения, к тому же рядом с ней находился занимавшийся многими общественными вопросами Фарнхаген. Он, поддерживая с Гете постоянные литературные контакты, старался вписать позднее творчество поэта в литературу дня: в 1829 г. в рецензии на «Годы странствий Вильгельма Мейстера» охарактеризовал Лотарио как фигуру политическую в отличие от всех прежних гетевских образов. Такая версия несколько противоречила аполитичности салона Рахели, зато придавала произведению, отодвигаемому современностью в прошлое, оттенок актуальности. Дополнения к своей рецензии Фарнхаген публиковал в 1830–1831 гг., указывая на идейную новизну последнего романа о Мейстере. Не случайно Гейне в «Романтической школе» назвал его «виднейшим бойцом за Гете» и добавил, что «суждениям этого высокого ума Гете всегда придавал очень большое значение» [4, т. 4, с. 356].

Об отношении самого Гейне к Гете невозможно говорить, не учитывая роли Фарнхагенов, к которым он навсегда сохранил чувство восхищения и почти родственной преданности. Придя в салон Рахели в 1821 г., он сразу выделился на общем фоне максимализмом молодости, категорическим неприятием всего окружающего. Однако Рахель и Фарнхаген сумели рассмотреть за крайне резкими суждениями, за остротами, часто жесткими, набравший силу талант и позаботились, чтобы он не растворился в откликах на злободневное. Фарнхаген, при собственном неприятии многого в устройстве страны, критически относился к политической тенденциозности литераторов «Молодой Германии», с которыми сблизился Гейне, и сумел внушить ему важность иной цели — достойного *художественного* вклада в поэзию. Рахель в частых и душевных разговорах раскрывала ему подлинно поэтическое на примерах из сочинений Гете. В письме Людвигу Роберту Гейне сознавался, что всего Гете прочел только после двухлетне-

го посещения салона его сестры и благодаря этому понял многое: «Теперь я уже не слепой Гейне, теперь я зрячий» [23, s. 392]. Неудивительно, что он никогда не упрекнул Гете за равнодушие к политике, уподобив великого поэта «дереву-великану», ветви которого достигают звезд, и оттого его «никак невозможно употребить на баррикаду» [4, т. 4, с. 356]. О роли Рахели в «прозрении» Гейне, наверное, сказавшейся еще в чем-то для него немаловажном, можно догадаться по одному из его писем 1827 г.: «А госпоже Фарнхаген мне нет надобности писать, она знает все, что я мог бы сказать, она знает, о чем я думаю и о чем не думаю» [23, s. 394]. В «Книге песен» он посвятил Рахели двадцать восемь стихотворений из цикла «Возвращение».

Хотя Рахель всю жизнь оставалась, по определению Фарнхагена, жрицей Гете, личное ее общение с поэтом складывалось весьма своеобразно. С тех пор, как она открыла свой первый салон, Гете не бывал в Берлине, однако мог слышать о ней от Цельтера или Вильгельма Гумбольдта. В 1795 г., узнав, что он собирается совершить поездку в Карлсбад, Рахель решила отправиться туда в надежде с ним встретиться, о чем давно мечтала. И ей удалось побывать в обществе Гете — у кузин своей спутницы Фридерики Унцельман, одна из которых была супругой датского дипломата. Присутствовавшая там датская поэтесса Фридерика Брун, которая потом отметила в своих воспоминаниях особое внимание Гете к младшей сестре, красавице, лишь мимоходом упомянула «невзрачную Леви». Сама Брун, лично знавшая Клопштока, была по-своему интересна Гете, и на таком фоне Рахель, к тому же стеснявшаяся своей неброской внешности, еще более оробевшая перед тем, кого обожала, конечно же, чувствовала себя непривлекательной. Но радостью было уже то, что она увидела Гете.

Спустя два месяца ей стало известно, как реагировал поэт на ее имя в разговоре с двумя ее близкими знакомыми: «Да, это девушка выдающегося ума и с чувствами — где можно найти такое? Это нечто редкое. О, мы постоянно были вместе, общались дружески-сердечно. Она глубоко воспринимает все, но так легко все выражает <...> всегда взволнованная чем-то своим и притом спокойная, — короче, это то, что хочется назвать прекрасной душой. Кажется, чем больше ее узнаешь, тем больше к ней привяжешься» [22, s. 305]. И добавил, что ее отношение дорого ему вдвойне, так как оно проистекает явно не из чужих мнений. В письмах Рахели встречается мысль, которую поддерживают и некоторые биографы, что в передаче ее друзей

мнение Гете было утрировано: мог ли он с первого раза так угадать ее личность? Но соглашаются на том, что это ведь был Гете.

В 1815 г. Рахель приехала во Франкфурт ждать возвращавшегося из Парижа Фарнхагена, которому тут же написала: «Когда я сегодня въезжала сюда, я плакала, потому что увидела облака Гете, город Гете» [13, s. 226]. Поэт тогда гостил в родных местах, в имении своего старого друга Виллемера, переживая счастье любви к его молоденькой жене Марианне, которая стала Зулейкой в «Западно-восточном диване». Возобновить с ним знакомство Рахель не решалась; случайно встретив его на прогулке в коляске с Виллемерами, она не удержалась от радостного восклицания: «Это же Гете!», — и успела увидеть, что он весело засмеялся [22, s. 320]. Однако желание хотя бы какого-нибудь контакта было настолько сильным, что она обратилась к Гете с письмом, с вопросом, получил ли он от Фарнхагена заметки о прошедших военных действиях, и сама отнесла письмо в дом, где он жил, не доверив ни почте, ни прислуге. Ответом был его неожиданный утренний визит; Рахель еще не вставала с постели, когда доложили о его приходе, и поспешно натянула на себя первую попавшуюся одежду. Гете вежливо сказал, что не знал о ее пребывании во Франкфурте, растерянная Рахель повторяла, что они с мужем только хотели знать, дошли ли до него почтовые отправления. Поэт поблагодарил, осведомился о Фарнхагене и три раза передал ему привет; затем они обменялись несколькими словами о последних важных политических событиях. После его ухода Рахель за чем-то надела свое лучшее платье, и горечь от нелепости встречи сменилась радостью: ее посетил Гете.

Чету Фарнхагенов, проезжавших в 1825 г. через Веймар, Гете пригласил на обед; Эккерман вспоминает, что поэт с большим уважением отозвался об обоих, а о Рахели — как об одной из первых, кто его по-настоящему понял. Через два года, услышав от Фарнхагена о тяжелой болезни его жены, Гете сказал: «Ну, ее активная духовная жизнь и здоровые чувства не могут от этого пострадать. Уж если человеку даны такие замечательные качества, то они закреплены в нем прочно» [22, s. 333].

Среди книг, которые Рахель читала в свои последние месяцы в промежутках между физическими страданиями, были «Годы странствий Вильгельма Мейстера»; Гете она пережила ненадолго, что кажется едва ли не символичным.

Со смертью поэта в немецкой литературе совпал конец эпохи, которую Гейне назвал «временем искусства» [4, т. 4, с. 319] (*Kunstperiode*), когда разнообразие талантов и эстетических позиций создавало некую возвышенность в обычной жизни, доступную тому, кто был способен ее рассмотреть. Тогда были привычными личные оценки, свободное толкование художественных созданий и обсуждение их в салонах, которые таким образом естественно превращались в литературные или музыкальные. Но с середины второго десятилетия изменившийся характер исторической действительности все более заставлял людей творческих усомниться в автономности искусства. Позднему романтику приходилось осознавать, что оно, возникая посреди реальности, становится не чем иным как *ее частью* и что ему предстоит воспроизводить такое соотношение, то есть учитывать «действительную жизнь со всеми ее ужасами» [5, т. 4, ч. 2, с. 18]. Для этого требовалось не только вдохновение, но и *мастерство*, и литературу начали понимать уже *как профессию*, а суждения не имевших к ней прямого отношения стали считать лишь профанацией. Роль профессии приобрела и литературная критика.

Поэтому собрания любителей искусства сделались предметом постоянного осмеяния со стороны профессиональных литераторов. О несерьезности салонных интерпретаций высказался еще в 1815 г. Эйхендорф в романе «Предчувствие и действительность»; сатиру на них написали А.Ф. Бернхарди, исследователь языка, директор берлинской гимназии («Шесть часов из жизни зяблика»), и В. Гауф («Сведения из мемуаров Сатаны», «Фантазмагория в бременском винном погребке»). Ирония была очевидна даже в сочинении брата Рахели Людвига Роберта «Благородные друзья берлинского чая» (в Берлине было несколько «чайных обществ»). Тема профанации искусства появилась в романе Иоганны Шопенгауэр «Габриэла», что особенно примечательно, поскольку центром нападения обычно бывала фигура хозяйки салона, а писательница сама имела салон. В «Серапионовых братьях» Гофмана промелькнула сатирическая зарисовка женского командования в обществе почитателей поэзии, где все присутствующие, слушая стихи, «зевали и выражали явную скуку <...> “О, прекрасно, божественно... и так глубоко прочувствовано взволнованной душой!” — воскликнула хозяйка дома, и многие... воскликнули за нею следом: “Прекрасно, божественно!”» [5, т. 4, ч. 2, с. 413]. Можно даже предположить, что карикатура

Гауфа («Фантасмагория в бременском винном погребке», 1827) изображала непосредственно дом Фарнхагенов, где поддерживалась память о наследии ушедшего классического века. Во главе веселого сборища — издавна имеющая славу старая винная бочка Роза, которую выводит под руку Бахус. Их сопровождают, «размахивая треуголками, еще шесть веселых кумпанов в кое-как надетых на голову париках, в долгополых кафтанах и длинных, богато затканых камзолах», среди них она исполняет песню двухсотлетней давности «приятным, чуть дрожащим голосом» [7, т. 2, с. 318].

Нападки на «эстетствующие» домашние кружки были своего рода защитой творчества, итога большого труда и еще большего душевного напряжения, от низведения, или от опасности низведения его до уровня развлекательного. Тем и можно объяснить, почему в салоне Рахели не появлялся ни Гофман, живший по соседству, ни его «серапионов брат» Шамиссо, который переписывался с Рахелью, а в молодые годы входил в «Союз Полярной звезды», организованный в 1804 г. Фарнхагеном из молодых учителей и студентов, сочувствовавших романтизму¹⁴.

«Союз Полярной звезды», существовавший в течение двух лет, до нашествия Наполеона, издавал «Зеленый альманах муз», где оспаривались доводы противников романтизма. Фарнхаген, понимая незначительность собственных опытов в стихах и прозе, сразу сделал главным своим занятием критическое освещение чужих произведений, выявление их места в литературном процессе. Даже в собственном сатирическом сочинении 1808 г. «Попытки и затруднения Карла» (*“Versuche und Hindernisse Karls”*) он не преминул высказать соображения относительно «Годов учения Вильгельма Мейстера», которые позднее вставил в публикацию отрывков из переписки с Рахелью. Литературную работу Фарнхаген не оставлял ни в армии, ни на государственной службе, а выйдя в отставку, отдался ей полностью. Переживший Рахель на двадцать пять лет, он вдумчиво проследил не один эстетический поворот и всегда избегал тенденциозности в отношении старого или нового.

Однозначно-восторженное восприятие романтизма со временем сменилось у Фарнхагена зрелым осмыслением под влиянием и новых фи-

¹⁴ Впрочем, у историков литературы можно встретить указание, что Шамиссо вообще сторонился публичных сборищ из-за недостатков своей немецкой разговорной речи, в частности, акцента, чего не преодолел до конца жизни [19].

лософских воззрений, и классической эстетики Гете, которая оставалась темой многих его работ. Это можно заметить по его выводам и об отдельных писателях, и о романтическом методе в целом [29, s. XXXI] в пространном критическом обзоре под названием «Дух века» (“Geist der Zeitalter”). Однако в отличие от Гете, который, по сведениям Эккермана [12, s. 121, 136], решительно не признавал поздних немецких романтиков, Фарнхаген рассмотрел и оценил намеченную ими перспективу дальнейшего развития литературы — отражение живой реальности. Его критический взгляд безошибочно выявлял индивидуальность каждого автора, отмечал ли он невысокий уровень сочинений Каролины Фуке или одобрял «Книгу песен» и «Путевые картины» Гейне. Одинаково чутко относился он и к жизненным судьбам тех, кто вошел в литературу, считал своим долгом помогать Беттине в подготовке посмертного издания сочинений Арнима и хлопотать об освобождении деятеля «Молодой Германии» Г. Лаубе, арестованного за активное участие в движении буршеншафтов, объединений либерально настроенного студенчества.

Новое эстетическое или философское течение всегда привлекало Фарнхагена. В 1827 г. он совместно с Гегелем стал издавать «Ежегодники научной критики», в которых настолько проступала свобода мысли, что к 1839 г. их выпуск пришлось прекратить под давлением прусской цензуры. Весь комплекс его собственных критических трудов утверждал как норматив сочетание эстетической полноценности произведения с проблематикой времени. Признавая обращение младогерманцев к политическим вопросам, он постоянно напоминал о единстве содержательной и чисто художественной сторон у Гете, где одна как раз и придавала силу другой. Меттерних не шутя предполагал, что Фарнхаген хотел таким образом «подправить» сен-симонизм для немцев, изначально гораздо более склонных к поэтическому, чем к политическому¹⁵. В 1835 г., когда в Германии явно возобладали политические интересы, Фарнхаген замыслил создание Общества Гете, членами которого должны были стать тот же Меттерних, братья Гумбольдт, Шеллинг, А.В. Шлегель, Шамиссо, Грильпарцер и многие другие. Намереваясь привлечь участников и из-за рубежа, он называл не последней Россию, где, по его утверждению, замечательных людей было не меньше, чем в других странах.

15 Ассоциация Сен-Симона с Гете, мелькнувшая у Рахели, могла быть подсказана этим выражением Меттерниха.

Гейне дал Фарнхагену восторженную и при этом очень точную характеристику: «человек, носящий в сердце мысли, обширные, как мир» [4, т. 4, с. 356]. Живой интерес ко всему, что в мире оставалось для него неизвестным, он сохранял в любой обстановке. С участия в русской армии во время военных действий против Наполеона началось его изучение русского языка. Пушкина открыл немцам он, поместив в двух номерах «Ежегодников» 1828 г. свои статьи о творчестве русского поэта с приложением собственных переводов. В 1839 г. он совместно с К.Г. Карусом, известным живописцем, философом и естествоиспытателем, стал издавать журнал, который был выразительно назван «Свободная гавань» (“Freihafen”); там под его руководством печатались переводы из русской литературы, в 1841 г. была опубликована «Бэла» Лермонтова.

В предисловии к одному из собраний трудов Фарнхагена высказано сожаление, что для исследователей его заслуга переводчика и интерпретатора русских авторов «на сегодняшний день канула в небытие» [28, s. 46]. Но в XIX в. он был лицом весьма уважаемым в кругу российских литературных деятелей. Одна из его статей о Пушкине была переведена в 1839 г. в «Отечественных записках», — наверное, не случайно та, где рассматривалась актуальная тогда для всех европейских литератур деградация одаренной личности под воздействием реальной жизни. На нее вскоре отреагировал Белинский: «Прекрасно выразился Варнгаген, сказав, что на Онегина и Ленского можно смотреть как на братьев Вульта и Вальта у Жан-Поля Рихтера, то есть как на разложение самой природы поэта» [1, т. 1, с. 627]. Постоянным был контакт Фарнхагена с Вяземским, который, по-видимому хорошо зная степень его либерализма, не доходившего до революционных крайностей, написал ему по поводу революции 1848 г., первой в Германии, в отличие от Франции: «...чтобы немцы тоже захотели стереть у себя все до основания, чтобы они тоже поддались духу рабского подражания, вплоть до перевода парижских мятежей... вот зрелище удивительное и удручающее» [10, с. 237].

С увлечением Фарнхагена русской литературой, конечно же, связано имя дочери его сестры, — русское, пушкинское имя Людмила. И Людмила Ассинг вполне оправдала родство с замечательным человеком. Пробуя продолжить его род занятий, она выпустила в год смерти Беттины (в 1859 г.) биографию ее бабушки Софи Ла Рош. Стараниями племянницы берлинская

квартира Фарнхагена после его смерти оставалась местом встреч немецкой интеллигенции, ее посещали по приезду в Германию выдающиеся люди из других стран. Людмила обеспечила переиздание всего литературного наследия Фарнхагена: сборник мемуарных записей под названием «Памятное из моей жизни», «Биографические памятники» — историографический цикл портретов современников, многочисленные литературно-критические и публицистические статьи, его дневники и письма, а также книги, обесмертившие Рахель, что он, можно говорить с уверенностью, считал главным.

Первое собрание писем Рахели с собственными краткими воспоминаниями о ней Фарнхаген представил через несколько месяцев после ее смерти, прямо предназначая его дружескому кругу, не предполагая широкого распространения¹⁶, но через год опубликовал уже как большую книгу. Он помнил высказанное как-то ею желание объединить все, написанное друзьям и знакомым, и продолжал собирать письма, иногда выкупал их там, куда они в свое время были посланы. Среди них были адресованные и в Берлин, где жила Рахель, — их относил по адресу служанка, как это делали тогда в пределах города для незамедлительного общения. Только у Рахели такие послания чаще всего содержали не вопросы, требовавшие быстрого ответа: она, наверное, лучше понимала *себя сама*, когда брала в руки перо. Отсюда с возрастом могла возникнуть потребность собрать все написанное, чтобы посмотреть на прожитое с временной дистанции, пережить его заново и глубже продумать.

Но был возможен и другой замысел: оставить тексты, писавшиеся на протяжении многих лет, как картину жизни определенного круга в исторически определенную пору, — к чему призывает обычно литературный талант. Так или иначе, но можно смело говорить о вкладе Рахели в *художественный* жанр — в эпистолярный.

Фарнхаген, осуществляя желание жены, руководствовался и собственной целью: вернуть в современность 40-х гг. культурную атмосферу предыдущих десятилетий, чтобы несколько разрядить все более сгущавшуюся политическую. Вскоре собранное было опубликовано им уже в трех томах, для чего потребовалась большая редакторская обработка, поскольку такие особенности формы письма, как непоследовательность, оборван-

16 На обложке стояло: Als Handschrift.

ность сообщения, недоговоренность, нередко встречались и у Рахели. В том нуждались и ее дневниковые записи, которые Фарнхаген решил издать и отдавал их в печать по мере редактирования в 1835–1844 гг. Публикация писем и особенно дневников вызвала шумный успех у читателей, узнававших немало любопытного о не столь давнем прошлом. Но в церковных кругах в них усмотрели атеизм, недовольство высказывала полицейская управа, находя в дневниках нападки на королевскую семью.

Нельзя исключить, что редакция Фарнхагена носила отпечаток его собственных соображений и переживаний. Политические акценты в материале личного характера могли появляться даже непреднамеренно под пером человека, который в одной из своих статей тех же лет писал: «Счастье и благополучие, что каждый до сих пор старался внести в свою жизнь, должно представлять часть общего, принадлежать общему и способствовать расцвету того счастливого времени, которое будет вызывать зависть к нам и нашим сыновьям у потомков в далеком будущем» [26, Bd. 4, s. 377]. К 1848 г. все три тома писем рассматривались цензурой как прореволюционные; уже после смерти Фарнхагена, с приходом к власти Бисмарка они были официально признаны опасными. За их переиздание целиком и выборочно Людмила Ассинг в 1862 г. была приговорена к восьми месяцам тюрьмы и бежала в Италию, где продолжала выпуск, за что ее в 1864 г. заочно приговорили уже к двум годам и лишили гражданства.

Собранные в первом издании письма под названием «Рахель. Книга на память ее друзьям», безусловно, побуждали к размышлениям новые поколения. Фарнхаген с его особым вниманием к молодым литераторам, получив от Т. Мундта, одного из младогерманцев, сборник статей «Критические дебри» (“Kritische Wälder”), в ответ послал автору «Рахель», и тот вызвался написать рецензию. Рецензировал Мундт и трехтомник, а в 1837 г. объединил обе рецензии в статью под общим заголовком «Рахель и ее время». Это время он разделил на три периода — в первом формировалась личность Рахели, во втором, при заметном стремлении приобщить его к первому, — совершенно иное умонастроение, шедшее от новой реальности: «...она металась между ними как пророчица, которая несла в душе и прошлое, и будущее, и исходя из этого лаконично предсказывала дальнейшее положение вещей» [25, s. 228–229]. Вывод Мундта о профессиональном анализе эстетических учений у Рахели помогает понять справедливо указанное им в треть-

ем периоде: в начале 30-х гг. письма становятся краткими и обрывочными еще и потому, что новый этап эстетики не получает в них истолкования.

Однако письма Рахели позволяют говорить о ее принадлежности к литературе не только как критика: в них признаки вкусов и интересов конкретной действительности прочерчиваются на уровне хорошо продуманного произведения; каждое ее письмо вызывает соперничество читателя — то же, что и художественный текст. Среди эпистолярных трудов подобное возникает только при чтении принадлежащих Беттине фон Арним. Опубликованная Беттиной в 1835 г. «Переписка Гете с ребенком» (“Goethes Briefwechsel mit einem Kinde”) — письма, которые она в детстве отважилась писать поэту, и его ответы, — представляла диалог, убеждающий в способности поэта понимать младшие, во всем иные поколения. Книга Беттины восстанавливала в новой общественной обстановке подлинный облик Гете и была немаловажным вкладом в борьбу, какую вел за него и Фарнхагены. В 1844 г. она издала переписку с умершим братом Клеменсом Брентано в их юности (1801–1803), назвав ее «Весенний венок» (“Frühlingskranz”) — по аналогии с его лирической поэмой «Романсы розового венка» (“Romanzen von Rosenkranz”), которая создавалась им как лирический цикл в течение почти десятилетия (1803–1812) трудных душевных исканий. Отдавая дань памяти брата, Беттина стремилась показать через его манеру письма богатство и уязвимость природы, судьба которой в итоге оказалась драматичной. Но, помимо чувства личной утраты, ею, как и Фарнхагеном, руководило желание восстановить для погрязшей в прагматичных устремлениях современности тот момент, когда «жизнь общества, как и настроение людей, даже сама природа подчинились известному художественному закону, стали символом определенного душевного переживания...» [6, с. 64]. Чтобы передать такую картину, она тоже вносила в тексты «Весеннего венка» большую отчетливость, убирала из них ненужное для обрисовки реальности самых первых лет века, чем осуществлялось целенаправленное преобразование переписки в литературное произведение [16, с. 244].

Место Беттины в развернувшейся борьбе предреволюционных лет было безусловно заметным. В 1843 г. она выпустила обращение к прусскому королю Фридриху Вильгельму IV под названием, звучавшим как посвящение: «Эта книга принадлежит королю», но по содержанию означавшим:

«Это касается короля»¹⁷, — совет подчиниться воле народа, перечисление требований, которые ему необходимо выполнить. Смелое выступление стало предметом горячего обсуждения с самых разных позиций. Фарнхаген восхищался Беттиной в одном из писем: «Для нашего времени она по сути герой, единственный сегодня верный и сильный голос, а все прочие, глашатаи-карьеристы, страдают слепотой, не признавая ее и не сознавая, что она значит перед ними» [14, s. 307].

Эпистолярное наследие Беттины тоже обширное, собрано во многих изданиях, с множеством адресатов, среди которых нередко встречаются Рахель и Фарнхаген.

Расцвет культуры письма пришелся на вторую половину XVIII в., когда в освобождении от старых понятий все искали единомышленников. Но с началом нового столетия, со смещением прежних и новых ценностей, наиболее понимающего собеседника все чаще находили в *собственном* лице, и письмо стало заменяться дневником. Изучая сохранившиеся примеры того и другого, исследователи приходят к выводу о различном характере писем мужских и женских. У выдающихся мужчин усматривают «контакты с интересующим их интеллектуальным, научным миром» [17, s. 69], у женщин — прежде всего выражение чувства, лиричность, схожую с дневниковой, близость к самоанализу. Аналогию с дневником подчеркивают в письмах Каролины Шлегель-Шеллинг. Действительно, Каролина как будто и не ждала реакции адресата на то, о чем высказывалась, и даже задавая вопрос, всегда бывала слишком поглощена *своими* вызвавшими его чувствами¹⁸.

Рахель в ее постоянных порывах к общению на бумаге не была отстраненной от окружающего. В ее письмах тоже есть и пристрастность, и самоанализ, и нервозность — то, что у Каролины считают элементами дневника. Но и тогда в них ясно вырисовывается ход мыслей, который не укладывается в рамки личного переживания. Чувствуется, что она, садясь за письмо, заранее готова прислушаться к *другому*, к тому, кому пишет, независимо от того, удовлетворит ее или нет его отклик; перед ней всегда стоит *собеседник*. Сопоставление писем и дневников Рахели должно дать исследо-

17 По-немецки одинаково возможно то и другое: “Dies Buch gehört dem König”.

18 В литературе эпохи романтизма эпистолярный жанр был почти вытеснен жанром дневника.

вателю интересный дополнительный материал для представления о степени ее внимания к *чужой* индивидуальной внутренней жизни.

В письмах Рахели отражается человек, не замкнутый в собственном духовном существовании, но переживающий все особенности своего времени и живо переосмысливающий многое из вчерашнего. За это и должны были высоко оценить Рахель спустя столетие свидетели другого культурного перелома: Г. Брандес увидел в ней «первую великую женщину тогдашней немецкой культурной жизни» [2, с. 127], а О. Вальцель — «гениальную женщину века» [29, с. 56].

Список литературы

- 1 *Белинский В.Г.* Собр. соч.: в 3 т. М.: Гослитиздат, 1948. Т. 2. 930 с.
- 2 *Брандес Г.* Собр. соч.: в 20 т. СПб.: Просвещение, 1910. Т. 6. 325 с.
- 3 *Виндельбанд В.* Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия. М.: Наука, 1993. 104 с.
- 4 *Гейне Г.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 4. 588 с.
- 5 *Гофман Э.Т.А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1991–2000. Т. 1, Т. 4. 491 с. + 493 с.
- 6 *Жирмунский В.М.* Проблема эстетической культуры в произведениях гейдельбергских романтиков // *Жирмунский В.М.* Из истории западноевропейской литературы. Л.: Наука, 1991. 302 с.
- 7 Избранная проза немецких романтиков. М.: Худож. лит., 1979. Т. 2. 429 с.
- 8 *Лотман Ю.М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин: TLU Press, Таллинский ун-т, 2010. 234 с.
- 9 *Новалис.* Фрагменты // Литературная теория немецкого романтизма. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 334 с.
- 10 Новый мир. 2013. № 5.
- 11 *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.
- 12 *Эккерман И.П.* Разговоры с Гете. М.: Худож. лит., 1981. 686 с.
- 13 *Arendt H.* Rahel Varnhagen. Lebensgeschichte einer deutschen Jüdin aus der Romantik. Zürich, 1959. 355 S.
- 14 *Arnim Bettina.* Frühlingskranz. Leipzig, 1974. 387 S.
- 15 *Arnim Bettina.* Die Gänderode. Leipzig, 1981. 517 S.
- 16 *Becker-Cantarino B.* Schriftstellerinnen der Romantik. Epoche–Werke–Wirkung. München, 2000. 322 S.
- 17 Begegnung mit Caroline. Briefwechsel von Caroline Schlegel-Schelling. Leipzig, 1984. 424 S.
- 18 *Feudel W.* Adelbert von Chamisso. Leipzig, 1980. 232 S.

- 19 *Rahel*. Ein Buch des Andenkens für ihre Freunde. Berlin, 2010. 526 S.
- 20 Rahel Varnhagens Briefwechsel mit Alexander Marwitz. München, 1996. 466 S.
- 21 *Schiller Friedrich*. Über Kunst und Wirklichkeit. Leipzig, 1975. 558 S.
- 22 *Scurla H.* Begegnungen mit Rahel. Der Salon der deutschen Jüdin. Berlin, 1977. 639 S.
- 23 *Seibert P.* Der literarische Salon. Stuttgart, 1993. 479 S.
- 24 *De Stael Germaine*. Über Deutschland. Stuttgart, 1962. 136 S.
- 25 *Steineke H.* Literaturkritik des Jungen Deutschlands. Berlin, 1982. 287 S.
- 26 Varnhagen von Ense. Biografien. Ansätze. Skizzen. Bd. 4. Frankfurt a.M., 1990. 377 S.
- 27 Varnhagen von Ense. Literaturkritiken. Tübingen, 1977. 322 S.
- 28 Varnhagen von Ense. Schriften. Briefe. Stuttgart, 1999.
- 29 *Walzel O.* Deutsche Romantik. Leipzig, 1918. 169 S.

References

- 1 Belinskii V.G. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collection of works: in 3 vols.] Moscow, Goslitzdat Publ., 1948. Vol. 2. 930 p. (In Russ.)
- 2 Brandes G. *Sobranie sochinenii: v 20 t.* [Collection of works: in 20 vols.] St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1910. Vol. 6. 325 p. (In Russ.)
- 3 Vindel'band V. *Filosofia v nemetskoj dukhovnoj zhizni XIX stoletia.* [Philosophy in German spiritual life of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 104 p. (In Russ.)
- 4 Geine G. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Heine H. Collection of works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1982. Vol. 4. 588 p. (In Russ.)
- 5 Gofman E.T.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Hoffman E.T.A. Collection of works: in 6 vols.]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1991–2000. Vol. 1, Vol. 4. 491 p. + 493 p. (In Russ.)
- 6 Zhirmunskii V.M. Problema esteticheskoi kul'tury v proizvedeniakh geidel'bergskikh romantikov [The Problem of aesthetic culture in the work of Heidelberg Romantics]. Zhirmunskii V.M. *Iz istorii zapadnoevropejskoi literatury* [From the history of Western European literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 302 p. (In Russ.)
- 7 *Izbrannaja proza nemetskikh romantikov* [Selected prose of German Romantics]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1979. Vol. 2. 429 p. (In Russ.)
- 8 Lotman Iu.M. *Nepredskazuemye mekhanizmy kul'tury* [The unforeseen mechanisms of culture]. Tallin, TLU Press, Tallinskii universitet Publ., 2010. 234 p. (In Russ.)
- 9 Novalis. Fragmenty [Fragments]. *Literaturnaja teoriia nemetskogo romantizma* [Literary theory of German Romanticism]. Leningrad, Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade Publ., 1934. 334 p. (In Russ.)
- 10 *Novyi mir*, 2013, no 5. (In Russ.)
- 11 Shlegel' F. *Estetika. Filosofija. Kritika: v 2 t.* [Aesthetics. Philosophy. Criticism: in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983. Vol. 1. 479 p. (In Russ.)
- 12 Ekkerman I.P. *Razgovory s Gete* [Conversations with Goethe]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1981. 686 p. (In Russ.)
- 13 Arendt H. *Rahel Varnhagen. Lebensgeschichte einer deutschen Jüdin aus der Romantik.* Zürich, 1959. 355 S. (In German)
- 14 Arnim Bettina. *Frühlingskranz.* Leipzig, 1974. 387 S. (In German)
- 15 Arnim Bettina. *Die Gündelode.* Leipzig, 1981. 517 S. (In German)
- 16 Becker-Cantarino B. *Schriftstellerinnen der Romantik. Epoche – Werke – Wirkung.* München, 2000. 322 S. (In German)
- 17 *Begegnung mit Caroline. Briefwechsel von Caroline Schlegel-Schelling.* Leipzig, 1984. 424 S. (In German)
- 18 Feudel W. *Adelbert von Chamisso.* Leipzig, 1980. 232 S. (In German)
- 19 Rahel. *Ein Buch des Andenkens für ihre Freunde.* Berlin, 2010. 526 S. (In German)
- 20 *Rahel Varnhagens Briefwechsel mit Alexander Marwitz.* München, 1996. 466 S. (In German)

- 21 Schiller Friedrich. *Über Kunst und Wirklichkeit*. Leipzig, 1975. 558 S. (In German)
- 22 Scuria H. *Begegnungen mit Rahel. Der Salon der deutschen Jüdin*. Berlin, 1977. 639 S. (In German)
- 23 Seibert P. *Der literarische Salon*. Stuttgart, 1993. 479 S. (In German)
- 24 De Stael Germaine. *Über Deutschland*. Stuttgart, 1962. 136 S. (In German)
- 25 Steineke H. *Literaturkritik des Jungen Deutschlands*. Berlin, 1982. 287 S. (In German)
- 26 Varnhagen von Ense. *Biografien. Ansätze. Skizzen*. Bd. 4. Frankfurt a.M., 1990. 377 S. (In German)
- 27 Varnhagen von Ense. *Literaturkritiken*. Tübingen, 1977. 322 S. (In German)
- 28 Varnhagen von Ense. *Schriften. Briefe*. Stuttgart, 1999. (In German)
- 29 Walzel O. *Deutsche Romantik*. Leipzig, 1918. 169 S. (In German)